

A detailed illustration of a Roman legionary standing in a classical setting. The soldier is wearing a full set of ornate golden armor, including a helmet with a red and black plume, a breastplate with intricate designs, and arm guards. A red cloak is draped over his shoulders. He stands next to a large, weathered stone column. In the background, there are ruins of ancient buildings under a blue sky with white clouds.

Валерий Антонов

**Эпигоны: Кровь
Александра**

Валерий Антонов

Эпигоны: Кровь Александра

<https://litres.ru/74192868>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Эпигоны: Кровь Александра» — эпическая историческая сага, охватывающая полвека войн диадохов. В центре повествования — Аристодем по прозвищу Эпигон, простой солдат, стоявший у дверей опочивальни умирающего Александра Македонского. Свидетель и участник всех великих битв эпохи — от Вавилона до Нила, от осады Родоса до Ипсоса, — он проходит сквозь кровь, предательства и крушение империи, которую не смог удержать никто. Роман показывает крах мира Александра через множество оптик: солдата и царя, наёмника и царицы, полководца и ребёнка. Каждый из них видит свою войну, но всех объединяет одно — они лишь тени умершего бога, наследники пожара. История о памяти, которая переживает империи, и о человеке, который стал живым архивом погибшего мира.

Содержание

Глава	4
Глава 1. Последний вздох Вавилона (323 г.)	5
Глава 2. Кровавый жребий (321 г.)	27
Глава 3. Тени на троне (317 г.)	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Эпигоны: Кровь Александра

Глава

ЭПИГОНЫ: КРОВЬ АЛЕКСАНДРА

КНИГА ПЕРВАЯ: РАЗДЕЛЁННОЕ НЕБО (323–280

гг. до н.э.)

Посвящение: *«Тот, кто берет меч, от меча и погибнет.
Но тот, кто отказывается от меча, умирает рабом»*

Глава 1. Последний вздох Вавилона (323 г.)

323 год до Рождества Христова. Вавилон. Дворец Навуходоносора.

Воздух был мёртвым.

Не просто жарким — мёртвым. Он стоял в коридорах дворца, как вода в заброшенном колодце, и пах не рекой, а тем, что река прячет на дне: разбухшей древесиной, рыбьей слизью, гнилью тростника. Факелы не освещали — они сочились жирным чадом, который оседал на языке липкой горечью. Аристомедем чувствовал эту горечь каждый раз, когда сглатывал.

Семнадцать лет. Два года в доспехе фалангита. Тело привыкло к тяжести — бронзовый нагрудник давил на плечи знакомой, почти уютной болью, — но спина под панцирем была мокрой, и кожа на лопатках горела от потницы. Он стоял у дверей царской опочивальни, опираясь на копье, и считал, сколько раз древко проворачивается во влажной ладони. Пять. Шесть. Пальцы скользили, оставляя на дереве тёмные следы.

Он смотрел на дверь.

Дверь не отвечала.

— Дышит? — спросил старый воин напротив.

Филипп. Седая щека, перебитый нос, пальцы, которыми он оглаживал древко копья — как будто проверял, не сгнило ли оно изнутри. Ему было за пятьдесят. Для фалангита — возраст мифа. Говорили, царь помнил его ещё по Гавгамеле.

— Дышит, — ответил Аристодем. — Едва.

Филипп сплюнул на пол. Плевок упал с влажным шлепком и тут же впитал в себя серую пыль.

— Слушай, — сказал он.

— Что?

— Не «что». Слушай *как*.

Аристодем прислушался. Сначала — только кровь в ушах. Потом — собственное дыхание. Потом — муха. Она билась о край факела, и он слышал, как трещат её крылья, когда они касаются раскалённой меди. И только потом — то, что за дверью.

Это не было дыханием. Это был скрежет. Так скребёт камень по камню, когда рушится старая стена. Воздух выходил из лёгких человека за дверью не плавно, а толчками, с хрипом, с влажным, булькающим присвистом. Аристодем не знал, что так дышат. Он думал, что так дышит только земля, когда в ней открывается трещина.

За дверью тяжело дышали не один. Много. Стоны. Шепот. И голос — высокий, хриплый, как у больной птицы. Он пытался что-то сказать, но слова падали и разбивались.

Аристодем не понимал. Он знал, что великий Александр, Сын Зевса, Завоеватель Мира, лежит внутри на смертном

одре. И что он уже не встанет. Слухи расползались с прошлой ночи — он видел их. Они текли вдоль стен, как вода вдоль фундамента, просачивались в каждую щель, и лица рабов утром были не такими, как вчера. Один уронил кувшин — вино потекло по камням, и никто не закричал. Просто смотрели. Все ждали.

— Не спи, — сказал Филипп. — Прислушивайся.

— К чему?

— К тишине.

Муха перестала биться. Шаги в коридоре затихли. Далёкий лязг оружия пропал. Смех оборвался.

И в этой тишине прозвучал голос.

Громкий. Чёткий. Почти нечеловеческий.

— Сильнейшему!

Аристодем вздрогнул. Не от крика — от того, как этот крик ударил в грудь. Он почувствовал его рёбрами — как будто кто-то провёл по ним смычком.

Филипп перекрестился странным жестом — коснулся лба, потом левого плеча, потом правого.

— Имя нового царя. Тот, кто сильнее, тот и возьмёт. Так сказал он.

— Кто?

— Он. Умиравший.

Голос из-за двери повторил, слабее:

— Сильнейшему...

А потом — хрип. И — ничего.

Аристодем ждал крика. Рыдания. Траурного воя. Но вместо этого — тишина. И потом — шаги. Многие шаги. За дверью кто-то шёл, торопился, говорил вполголоса. Слов не разобрать — только интонация. Не скорбь. Спор.

Дверь распахнулась.

Из опочивальни вышел Пердикка. Широкоплечий. Лицо — как сжатый кулак. На безымянном пальце — золотой перстень Александра, тот самый, с печаткой. Перстень сидел криво — палец Пердикки был слишком толст, а кольцо слишком велико. Золото впилося в кожу, и вокруг него образовался белый, обескровленный ободок. Аристодем смотрел на этот ободок и чувствовал, как собственный желудок сжимается в холодный ком.

— Царь мёртв, — сказал Пердикка. Голос ровный. — Слушайте меня. Я буду править до тех пор, пока не родится наследник.

Филипп молчал. Аристодем тоже.

Где-то в конце коридора закричала женщина — тонко, пронзительно, как чайка. Крик отразился от стен, заметался, затих.

Пердикка прошёл мимо. За ним — свита. Перстень сверкнул в последний раз и исчез в темноте.

— Как думаешь, он сильнейший? — спросил Аристодем.

Филипп усмехнулся — сухо, как трещина в старой глине.

— Сильнейший тот, кто быстрее бьёт. А Пердикка быстр. Но быстрых много.

В восточном крыле дворца, в покоях, отведённых для писцов и секретарей, Эвмен из Кардии не спал.

Он сидел за столом, заваленным папирусами, и писал. Его тростниковое перо скрипело по папирусу — быстрые, точные движения человека, который привык фиксировать реальность, пока она не стала историей. Он был греком среди македонян — чужаком, выскочкой, писцом, который поднялся до командира. Македоняне не любили его за это. Они называли его «чернильной душой» и «секретарём». За глаза. В глаза — боялись. Потому что Эвмен был умнее их всех, и они это знали.

Ему было сорок два. Он не был воином по рождению — его отец был возничим, его мать держала постоянный двор. Но он поднялся благодаря своему уму. Александр заметил его, сделал секретарём, потом — командиром кавалерии. Теперь Александр умирал, и Эвмен знал: его жизнь зависит от того, что он напишет в ближайшие часы.

За дверью слышались шаги. Три удара — условный сигнал.

— Войдите.

Вошедший был рабом — точнее, выглядел как раб. На самом деле это был один из осведомителей Эвмена, бывший писец из Вавилона, приставленный к дворцовой канцелярии.

— Царь мёртв, — сказал он. — Только что. Пердикка вышел из опочивальни с перстнем. Он объявил себя регентом. Эвмен отложил перо.

— Кто ещё знает?

— Ближние Пердикки. Телохранители. Никто больше.

— Скоро узнают. Стены дворца — как решето. Кто ещё в городе?

— Птолемей. Селевк. Мелеагр. Кратер — нет, он в Киликии.

Эвмен кивнул. Он мысленно расставил фигуры на доске. Пердикка — регент. Мелеагр — пехотный командир, горячий, непредсказуемый. Птолемей — хитрый, дальновидный, наверняка уже что-то замышляет. Селевк — тёмная лошадка, молод, но амбициозен.

А он сам — Эвмен. Грек без армии. Писец с мечом. Никто.

— Иди, — сказал он. — Слушай дальше. Мне нужно знать всё, что говорят в коридорах.

Осведомитель исчез. Эвмен остался один. Он посмотрел на свои папирусы. На одном из них был список имён — военачальники, сатрапы, возможные союзники. Рядом с каждым именем — пометки. Кому можно доверять. Кто предаст при первой возможности. Кто будет ждать.

Он обмакнул перо и дописал строку под именем Пердикки:

«Будет править, пока не родится наследник. Долго не проживёт. Слишком прям. Слишком уверен. Слишком многие хотят его место».

Под именем Птолемея:

«Захочет Египет. Получит. Будет ждать. Самый опасный из всех — потому что самый терпеливый».

Под своим именем:

«Никто. Нулевая позиция. Преимущество: никто не считает угрозой. Недостаток: нечего терять, кроме жизни».

Он отложил перо и встал. Подошёл к окну. Вавилон лежал внизу — чёрный, душный, равнодушный. Где-то там, в глубине дворца, уже начиналась резня. Он слышал первые крики — далёкие, приглушённые стенами.

Он знал, что должно произойти. Пердикка попытается удержать власть. Мелеагр поднимет пехоту. Птолемей будет сидеть в тени и ждать, пока другие перебьют друг друга. А он, Эвмен, должен выбрать сторону — и выбрать правильно, потому что второго шанса не будет.

Он выбрал Пердикку. Не потому, что верил в него. А потому, что Пердикка был регентом — законным, с перстнем Александра на пальце. Законность — это то, на чём можно строить. Даже если она шаткая. Даже если она продлится недолго.

Он свернул папирусы и убрал их в кожаный тубус. Потом надел меч — тот самый, который подарил ему Александр после битвы при Гавгамелах, — и вышел в коридор.

Война началась.

В покоях Птолемея горел одинокий светильник.

Птолемей не спал. Он сидел за столом и чертил карту — не географическую, политическую. Имена, стрелки, возмож-

ные альянсы. Линии пересекались, как маршруты муравьёв. Он водил пальцем по папирусу — от Пердикки к Кратеру, от Кратера к Антигону, от Антигона к сатрапам. Каждая линия — будущий разлом. Каждый разлом — возможность.

Он не чувствовал печали. Александр был его другом — может быть, братом. Но Александр умер. Теперь осталась только империя — огромная, беспомощная, как тело без головы. И те, кто быстрее, начнут отрывать от неё куски.

Птолемей не был самым быстрым. Он был самым терпеливым. Он знал: в драке побеждает не тот, кто первым бьёт, а тот, кто последним остаётся на ногах.

В дверь постучали. Три удара.

— Войдите.

Вошедший был рабом — точнее, выглядел как раб. На самом деле это был Нехо, осведомитель Птолемея, бывший пи-сец из Мемфиса.

— Царь мёртв. Пердикка объявил себя регентом. Мелеагр поднимает пехоту. Эвмен ушёл к Пердикке.

Птолемей кивнул.

— Эвмен, — сказал он задумчиво. — Умнейший из нас. Жаль, что он грек. Македоняне никогда не примут его. Он мог бы стать царём, если бы родился в Пелле. А так — будет вечно чужим. Что ж, его выбор понятен. Пердикка — законный регент. Эвмен любит законность. Это его слабость.

— Что будем делать?

— Ничего. Ждать. Пусть Пердикка и Мелеагр передерут-

ся. Пусть Эвмен пишет свои приказы. Я хочу Египет. Египет — это всё, что мне нужно.

— А если не отдадут?

Птолемей усмехнулся. Уголок губ, не больше.

— Отдадут. Пердикка согласится на всё, лишь бы удержать власть. Он думает, что Египет — это окраина. Он не понимает, что Египет — это центр. Из Египта можно управлять миром.

Он встал и подошёл к окну. Вавилон горел — не весь, но кое-где уже поднимались дымы. Резня началась. Македоняне убивали македонян.

— Александр хотел объединить всех, — сказал он тихо. — Греков, персов, египтян. Он женил своих военачальников на персиянках. Он мечтал о едином народе. Посмотри, что осталось от его мечты. Мы режем друг друга в коридорах дворца. Мы делим империю, как шакалы делят тушу.

Он отвернулся от окна.

— Но я не шакал. Я — строитель. Я построю то, что устоит. Пусть остальные воюют. Я буду ждать.

Он сел к столу и развернул чистый папирус. Обмакнул перо в чернила.

«О том, как умирают цари. Заметки для будущего».

Первая строка:

«Тот, кто берет меч, от меча и погибнет. Но тот, кто отказывается от меча, умирает рабом. Мудрый не отказывается от меча — он просто не вынимает его первым».

Ночью дворец наполнился шёпотом.

Аристодем не спал. Он стоял у стены, чувствуя, как камень холодит спину. Холод проходил сквозь бронзу, сквозь льняной хитон, сквозь кожу — и упирался в позвоночник, как тупой нож. Он смотрел в коридор. Люди ходили быстро, торопливо — словно искали кого-то. Или чего-то. Иногда сталкивались, останавливались, говорили друг другу несколько слов, расходились. Лица у всех были одинаковые — напряжённые, как тетива перед выстрелом.

В полночь раздался первый удар.

Не звон. Не лязг. Удар. Глухой, мокрый звук — как будто кто-то ударил мешком с глиной о каменный пол. Аристодем не понял, что это, пока не увидел бегущего человека. Тот пробежал мимо, и в руке у него блеснул кинжал. Следом — другой, с обнажённым мечом.

— Что? — спросил Аристодем.

Филипп уже стоял с оружием наготове.

— Началось. Встань в строй. Не отходи от стены. И не доверяй никому, кого не знаешь.

Аристодем поднял копье. Руки дрожали. Он не знал, от страха или от напряжения. Но в груди, под бронёй, что-то пульсировало — горячее, липкое, как расплавленный свинец.

В коридоре стало шумно. Кто-то кричал — громко, рвано, как будто его резали. Крики смешивались с лязгом мечей, топотом, звоном щитов. Мимо пробежал отряд — человек

двадцать, в македонских доспехах, с факелами.

— Это за Птолемея или против? — спросил Аристодем.

— Какая разница? Мы за себя.

Дверь опочивальни снова распахнулась. На пороге — телохранитель, высокий, чернобородый, с мечом в руке. Кровь на клинке ещё не засохла — тёмная, блестящая в свете факелов, как масло.

— Кто здесь командует?

— Я, — сказал Филипп.

— Заприте дверь. Никого не пускайте. Даже если это сам Аристотель.

— Аристотель мёртв.

— Тем лучше.

Чернобородый захлопнул дверь. Засов заскрежетал — тяжёлый звук, от которого заныли зубы.

На секунду показалось, что всё утихло.

Потом в конце коридора началась резня.

Эвмен шёл через дворец, и его шаги были быстрыми, но не бегущими. Бегущий человек не контролирует ситуацию. Эвмен контролировал.

Он знал, куда идёт. В покои Пердикки. Он должен быть там, когда начнутся переговоры. Он должен быть голосом разума в комнате, полной мечей.

По пути он встретил Птолемея. Тот стоял у окна и смотрел на город. Его лицо было спокойным, как вода в колодце.

— Ты к Пердикке? — спросил Птолемей.

— Да.

— Он тебя не слушает. Он не слушает никого, кроме своего меча.

— Я всё равно должен попытаться. Кто-то должен думать о государстве, а не о добыче.

Птолемей посмотрел на него долгим взглядом.

— Ты умный человек, Эвмен. Самый умный из нас. Но ум здесь не поможет. Здесь поможет только сила. А у тебя её нет.

— У меня есть закон. Пердикка — регент. Империя должна остаться единой. Если мы начнём делить её сейчас, мы будем воевать сто лет.

— Мы будем воевать сто лет в любом случае. Вопрос не в том, делить или не делить. Вопрос в том, кто останется на ногах в конце.

Эвмен хотел возразить, но не успел. Из коридора донёсся крик. Битва приближалась.

— Иди, — сказал Птолемей. — Делай что должен. Я буду ждать.

Эвмен пошёл дальше. Он думал о том, что Птолемей прав. Что ум не поможет. Что сила решает всё. Но он всё равно шёл. Потому что он был Эвменом из Кардии — человеком, который верил, что слово может остановить меч. Даже если до сих пор это никогда не работало.

Аристодем сражался.

Они шли с двух сторон — от входа и от боковой лестницы.

Сверкали клинки, летели искры от ударов о каменные стены. Кто-то упал, кто-то побежал, кто-то крикнул:

— За Кратера!

— За Пердикку!

— За Мелеагра!

Эти имена ничего не значили. Аристодем знал только Пердикку — и то потому, что тот вышел из царской опочивальни с перстнем. Этого было достаточно, чтобы стать врагом. Или другом. Он ещё не понимал.

— Строй! — крикнул Филипп.

Аристодем встал рядом с ним. Слева — солдат с обрубленным ухом. Справа — молодой парень, бледный, как кость. Щиты сомкнулись — стена из бронзы и дерева.

Первая волна ударила через минуту.

Их было человек пять — македоняне, но Аристодем не узнал ни одного. Они бежали, размахивая мечами, и кричали про измену. Аристодем выставил копьё — наконечник упёрся в чей-то щит. Удар отдался в плечо. Вибрация прошла через кость, через локоть, через запястье и осталась в пальцах мелкой, противной дрожью. Он оттолкнул противника, переступил, ударил ногой в колено. Чужой солдат упал, и Аристодем вонзил копьё ему в горло.

Наконечник вошёл с хрустом. Не с чавканьем — с хрустом. Так ломается сухая ветка под сапогом. Кровь брызнула на лицо — не горячая, а тёплая, как вода, в которой долго лежала рука. Она попала на губы. Аристодем почувствовал

её вкус — солёный, с металлическим оттенком.

Он замер.

— Хорошо, — сказал Филипп. — Не останавливайся. Ещё будут.

И они были.

Вторая волна — больше. Человек двенадцать. Они бились молча, зло, без криков — только хрипели и лязгали клинками. Аристодем видел, как упал бледный парень справа. Его ударили в грудь мечом. Клинок вошёл под ребро с таким звуком, как будто разрезали мокрую ткань. Парень охнул и осел. Его глаза ещё были открыты. Он смотрел на Аристодема. Хотел что-то сказать. Из горла вырвался только воздух.

Аристодем не успел ему помочь. Он отбивал удар слева, потом справа, потом снова слева. Меч свистел у самого уха — он почувствовал движение воздуха, как будто кто-то махнул крылом прямо над головой. Он ударил копьём в чей-то живот — наконечник вошёл мягко, почти без сопротивления, и противник сложился пополам с коротким, захлёбывающимся стоном.

Внезапно кто-то схватил его за плечо. Филипп, лицо перекрашено яростью.

— Отойди в угол! Они идут с тыла!

Аристодем отступил к стене, вжался спиной в камень, поднял копьё. Камень был холодным, и этот холод вдруг показался единственной надёжной вещью в мире.

Сзади бежали трое — в разорванных плащах, с обнажён-

ными кинжалами. Первого он ударил в грудь, когда тот был уже на расстоянии вытянутой руки. Наконечник вошёл между рёбер — хруст, выдох, и человек рухнул.

Второй налетел мгновенно. Аристодем бросил копье и схватился за меч. Клинок вышел из ножен рывком. Он ударил наотмашь — попал по чужому мечу, высек искры. Они полетели в темноту и на мгновение осветили лицо противника.

Аристодем не узнал его.

Противник был сильнее, тяжелее. Он наваливался всем телом, толкая к стене. Запах — пот, чеснок, кожаный доспех — ударил в лицо.

— Сдохни, щенок, — прошептал он.

И этот шёпот был страшнее крика.

Аристодем закричал — от страха, от ярости, от отчаяния. Ударил ногой в колено противнику, тот пошатнулся, потерял равновесие. Аристодем рванул клинок вверх — остриё вошло под подбородок, в мягкую плоть. Глаза противника расширились. Он захрипел, пытаясь схватить Аристодема за горло, но руки уже не слушались. Упал на колени, потом на бок, и затих.

Аристодем стоял, тяжело дыша. Меч дрожал в руке. Он смотрел на мёртвого человека — на его лицо, на кровь, которая текла изо рта, на закатившиеся глаза.

И вдруг понял, что знает это лицо.

Это был его товарищ.

Они стояли в одном строю на параде три дня назад. Солнце палило, и Аристодем шутил про шлем, который был ему велик. Этот человек засмеялся тогда. Сказал: «Ничего, парень. Шлем велик — голова вырастет. Главное, чтобы руки держали».

Его звали Клеандр. Ему было двадцать пять. У него была жена в Пелле.

Аристодем смотрел на труп. Мир плыл, как горячий воздух над жаровней. Звуки пропали. Только кровь. Только лицо. Только открытые глаза, в которых отражался огонь факела.

— Ты зачем? — прошептал он. — Ты зачем на меня полез?

Клеандр не ответил.

Аристодем упал на колени. Он поднял руку и коснулся лица Клеандра. Кожа была влажной. Он попытался закрыть ему глаза — пальцы дрожали. Веки не опускались.

— Эй! — голос Филиппа. — Встань! Не смей сидеть! Это война!

— Я убил его. Я убил Клеандра.

Филипп посмотрел на труп. Потом — на Аристодема. В его глазах мелькнуло что-то — может быть, усталость. Может быть, понимание.

— Запомни это. Запомни крепко. Не просто глазами. Руками. Носом. Языком. Запомни, как он пах. Запомни, как хрустнуло. Потому что это будет не последний раз.

Аристодем смотрел на мёртвого товарища. Запах — он только сейчас осознал. Кровь пахла не просто металлом. Она пахла сырой землёй. Так пахнет поле после дождя, когда плуг выворачивает наружу то, что скрыто.

— Теперь вставай. Иди за мной. И не оглядывайся.

Аристодем встал. Ноги дрожали. Меч всё ещё был в правой руке, и на лезвии засыхала кровь Клеандра — уже загустела, стала липкой, как смола.

— Я его убил, — повторил он. Не для Филиппа. Для себя. Чтобы услышать, как это звучит.

— Заткнись. Иди. Или останешься здесь, и они убьют тебя, как собаку. Думаешь, кому-то будет дело до твоей совести?

Аристодем пошёл за Филиппом. И больше не оглядывался.

В покоях Пердикки горели факелы. Сам Пердикка сидел за столом, окружённый офицерами. Перстень Александра всё ещё был на пальце — криво, туго, как удавка.

Эвмен вошёл и встал у двери. Он не стал садиться. Он ждал.

— Птолемей, — сказал Пердикка, увидев входящего. — Ты вовремя.

Птолемей вошёл следом за Эвменом и сел. Его лицо было спокойным.

— Что говорят в городе?

— Город молчит. Но во дворце говорят громко. Мелеагр

поднимает пехоту. Ветераны Кратера ждут приказов. У тебя есть час.

— Что ты предлагаешь?

— Компромисс. Ты — регент при наследнике. Мелеагр — командующий пехотой. Кратер — наместник в Европе.

— Это ослабит меня.

— Это сохранит тебе жизнь.

Эвмен шагнул вперёд.

— Птолемей прав, — сказал он. — Но этого недостаточно. Мелеагр не удовлетворится командованием. Он хочет власти. Ты должен либо купить его, либо убрать.

— Купить?

— Отдай ему казну Александра. Золото, которое лежит в подвалах. Оно всё равно не твоё. Пусть Мелеагр подавится им.

Пердикка задумался.

— А ты, Эвмен? Что хочешь ты?

— Я хочу, чтобы империя осталась единой. Я грек. Мне не нужна сатрапия. Мне не нужен трон. Мне нужно, чтобы то, что построил Александр, не рухнуло за одну ночь.

Пердикка смотрел на него долгим взглядом. Он не доверял грекам. Но Эвмен был полезен.

— Ты будешь моим секретарём, — сказал он. — Как при Александре. Будешь писать приказы. Будешь вести переписку. Будешь моим голосом.

— Я согласен.

— А ты? — Пердикка повернулся к Птолемею. — Что хочешь ты?

Птолемей улыбнулся. Легко, почти незаметно.

— Египет. Это всё. Отдай мне Египет — и я буду самым верным твоим союзником.

Пердикка смотрел долго. Потом кивнул.

— Египет — твой.

Птолемей склонил голову. Эвмен смотрел на них обоих. Он знал: Пердикка только что совершил ошибку. Отдать Египет Птолемею — значит отдать ему ключи к восточному Средиземноморью. Но он промолчал. Сейчас нужно было спасать то, что ещё можно спасти.

Под утро, когда резня утихла, Эвмен вернулся в свои покои.

Он сел к столу и развернул папирус. Руки дрожали — не от страха, от усталости. Он не спал двое суток. Но он должен был записать всё, что произошло.

Он писал:

«В ночь после смерти Александра македоняне начали резать друг друга. Пердикка объявил себя регентом. Мелеагр поднял мятеж. Птолемей получил Египет. Я стал секретарём регента.

Империя ещё едина. Но это единство — иллюзия. Каждый из диадохов думает только о себе. Никто не думает о государстве. Александр хотел объединить мир. Мы делим его на куски.

Я остаюсь с Пердиккой. Не потому, что верю в него. Потому, что он — законный регент. Закон — это всё, что у нас есть. Если закон рухнет, рухнет всё.

Я буду держаться за закон, пока он держит меня. Даже если это убьёт меня».

Он отложил перо. За окном светало. Вавилон просыпался — серый, дымный, пропитанный запахом крови и гари.

Эвмен не знал, что его ждёт. Он не знал, что через несколько лет Пердикка падёт от рук своих же. Что он, Эвмен, станет врагом всех македонян — один грек против целого мира. Что его будут предавать снова и снова. Что он выиграет битвы, но проиграет войну. Что его казнят свои же — македоняне, которым он служил.

Но он знал одно: он не предаст. Никогда. Потому что предательство — это то, что делают другие. А он — Эвмен из Кардии, писец, который стал полководцем. Он будет верен до конца. Даже если конец будет горьким.

Наутро дворец был залит кровью.

Аристодем стоял у колонны и смотрел, как выносят тела. Двадцать девять часов без сна. Глаза горели, как будто в них насыпали песка. На губах — сухая корка крови. Своей? Чужой? Он провёл языком по губам и почувствовал вкус соли и меди. Вкус войны. Он запомнит его навсегда.

Мимо прошёл офицер.

— Ты жив? Завтра выступаем. Пердикка собирает армию. В Египет. Против Птолемея.

Аристодем хотел сказать, что устал. Что хочет домой. Но он вспомнил хруст копья, входящего в горло Клеандра.

— Я пойду.

Он поднял правую руку и посмотрел на неё. Ладонь была в чужой крови. Она уже высохла и потрескалась, как старая краска. Он сжал пальцы в кулак — засохшие хлопья посыпались на пол. Бесшумно.

— Первая, — сказал он тихо. — Первая кровь.

Он пошёл к выходу. На пороге обернулся. Дверь опочивальни была открыта. Внутри — пусто. Только запах. Тяжёлый, сладковатый. Он стоял там, как невидимый страж.

Аристодем перешагнул через тело неизвестного солдата и вышел в город.

У ворот он увидел человека. Невысокий, с острым лицом, в простом плаще писца, но с мечом на поясе. Человек стоял и смотрел на восходящее солнце. Его лицо было спокойным, но в глазах горела решимость.

Аристодем не знал, кто это. Он узнает позже — Эвмен из Кардии, секретарь царя, грек среди македонян, самый умный из диадохов и самый обречённый.

Их взгляды встретились на мгновение. Эвмен кивнул — коротко, едва заметно. Аристодем кивнул в ответ.

Два человека, которые запомнят эту ночь. Один — телом. Другой — умом. Оба — свидетели. Оба — обречённые.

Вавилон просыпался. Солнце поднималось над глиняными стенами, и жара начинала давить — та самая, мёртвая,

тяжёлая. Никто не пел. Никто не плакал. Все ждали.

Так началась война всех против всех.

Мир Александра умер вместе с ним.

А мы, его наследники, стали мясом для истории.

Так прошла первая ночь.

Аристодем запомнил её телом. Хруст копья. Вкус крови.
Запах сырой земли.

Эвмен запомнил её умом. Расклад сил. Ошибки союзников. Закон, который стал его щитом и его проклятием.

Птолемей запомнил её как первый ход. Египет был обещан. Дальше — терпение. Дальше — строительство. Дальше — сорок лет правления и династия, которая переживёт всех.

Филипп — старый солдат — запомнил её как ещё одну ночь среди тысяч. Он видел слишком много, чтобы удивляться.

Клеандр — двадцать пять лет, жена в Пелле — ничего не запомнил. Он умер в коридоре от копья товарища.

Никто не помнит его имени.

Кроме Аристодема.

Глава 2. Кровавый жребий (321 г.)

321 год до Рождества Христова. Египет. Берег Нила.

Два года прошло с той ночи в Вавилоне.

Для Аристодема эти два года измерялись шрамами. Новый — на левом предплечье, где копьё перса распороло кожу до кости в Каппадокии. Ещё один — над бровью, от камня из пращи. Ещё — на бедре, на рёбрах, на голени. Каждый шрам имел вкус и запах. Тот, над бровью, помнился кислым вином и тупой болью, отдававшей в зубы. Тот, на предплечье, — запахом горелой шерсти, потому что лекарь прижёл рану раскалённым ножом.

Теперь он стоял на песчаном берегу Нила и смотрел на воду. Река была не просто широкой — она была чуждой. От неё пахло иначе, чем от Евфрата, — не гнилью и нечистотами, а чем-то сладковатым, как перезрелый инжир, и одновременно гниlostным, как дыхание болота. Этот запах забивался в ноздри и оставался там. Аристодем знал, что будет чувствовать его ещё долго после битвы — если доживёт.

Вода была мутной, коричневой, и течение двигалось в ней не как в реках Македонии — быстро, с напором, — а медленно, тягуче, как масло. Она не текла — она перемещала собственную тяжесть. Аристодем смотрел на неё и чувствовал, как под ложечкой собирается холодный ком.

Рядом стоял Филипп. Старый, сгорбленный, но всё ещё с

оружием в руках. Его глаза слезились от яркого египетского солнца.

— Ты готов? — спросил он.

— Готов, — ответил Аристодем.

Солгал. Он не был готов. Левая рука всё ещё болела — шрам на предплечье ныл при каждой смене погоды. Он сжал и разжал пальцы. Они слушались. Уже хорошо.

— Мы в первой волне, — сказал Филипп. — Пердикка хочет показать Птолемею, что македоняне не боятся воды.

— Македоняне не боятся воды. Они боятся крокодилов.

— Крокодилы сейчас на том берегу. И у них есть стрелы.

Напротив Аристодема в лодке сидел молодой парень. Светлые волосы, смеющиеся глаза. Он был единственным, кто улыбался.

— Слышал, Птолемей обещал сто талантов за голову Пердикки, — сказал он. — Думаешь, мы сможем получить награду?

— Только если ты отрубишь голову Пердикке, — ответил Аристодем.

— А ты бы смог? Убить командира, который ведёт тебя в бой?

Аристодем не ответил сразу. Он вспомнил хруст копья, входящего в горло Клеандра. Вспомнил вкус крови — солёный, с металлическим оттенком. Вспомнил запах — сырая земля и что-то ещё, что он так и не смог назвать.

— Я бы смог, — сказал он тихо.

Парень перестал улыбаться.

— Как тебя зовут?

— Аристодем. Меня называют Эпигон.

— Я Антиох. Из Фессалии. Это мой второй поход. Я слышал о тебе. Ты был в Вавилоне, когда умер Александр.

— Был.

— Расскажешь потом?

— Если выживем.

— Выживем. Я чувствую.

Аристодем посмотрел на него и ничего не сказал. Он тоже чувствовал. Но другое.

Пердикка стоял на возвышении и смотрел на реку.

Ему было сорок два. Два года назад он вышел из царской опочивальни с перстнем Александра на пальце и думал, что держит мир в руке. Теперь он стоял на берегу Нила и понимал: мир утекает сквозь пальцы, как вода.

Птолемей предал его. Забрал Египет, укрепился в Александрии, переманил половину офицеров. Антигон отказался подчиняться. Кратер погиб в стычке с Эвменом — весть пришла месяц назад, и Пердикка не поверил сначала. Эвмен — грек, пищик, чернильная душа — разбил Кратера? Кратера, который был лучшим полководцем Александра? Это казалось невозможным. Но это было правдой. Эвмен выиграл битву, Кратер погиб, и теперь у Пердикки было на одного врага меньше и на одну проблему больше — потому что Эвмен становился слишком силен.

Теперь предстояло разобраться с Птолемеем.

— У нас двадцать тысяч пехоты, пять тысяч кавалерии, тридцать слонов, — сказал адъютант. — У Птолемея меньше.

— У Птолемея — река, — ответил Пердикка. — Река, которая шире, чем любое поле боя. Река, в которой водятся крокодилы. Река, которая уже убила сотню моих людей, пока мы строили переправу.

— Мы можем обойти. Выше по течению есть брод.

— Птолемей ждёт нас там. Он везде нас ждёт. Этот человек думает на три шага вперёд. Я знаю его. Мы вместе росли. Вместе воевали. Он всегда был умнее, чем казался.

Адъютант молчал. Пердикка смотрел на реку и думал об Эвмене. Эвмен предупреждал его: «Не отдавай Египет Птолемею. Он построит там крепость, и ты никогда его не достанешь». Пердикка не послушал. Теперь он стоял на берегу и понимал, что Эвмен был прав. Как всегда.

— Начинайте переправу, — сказал он. — Первая волна — немедленно. Мы не можем ждать. Армия ропщет. Если мы простоим здесь ещё неделю, меня убьют свои же.

Он не знал, насколько близок к истине.

В лагере на том берегу Птолемей стоял на холме и смотрел на воду.

Ему было сорок шесть. За два года он изменился — не внешне, внутренне. Тогда, в Вавилоне, он был одним из многих. Теперь он был хозяином Египта. Он построил флот. Он

укрепил Александрию. Он переманил к себе лучших инженеров и писцов. Он начал писать историю — свою историю, в которой он будет не одним из диадохов, а основателем династии.

Но сначала нужно было выиграть эту битву.

— Пердикка начинает переправу, — сказал Нехо, его бесменный осведомитель. — Первая волна — около трёх тысяч. В основном пехота.

— Три тысячи, — повторил Птолемей. — Он хочет прощупать нашу оборону. Не атаковать, пока они не войдут в воду по пояс. Пусть вода замедлит их. Потом — залп из луков и контратака фалангой.

— А если они прорвутся?

— Не прорвутся. Я выбрал это место не случайно. Здесь самое сильное течение. Здесь самый вязкий песок. Здесь самые высокие берега. Пердикка думает, что численное преимущество решит исход. Он забыл про местность. Про воду. Про жару. Он забыл про всё, что нельзя посчитать в головах.

Птолемей поднял руку и посмотрел на солнце. Оно уже поднималось над горизонтом — красное, раздутое, обещающее невыносимый зной.

— Через час жара станет нашим союзником. Их воины будут уставать вдвое быстрее, пока будут грести. Их доспехи раскалятся. Они будут пить воду из Нила — и она скрутит им кишки. Всё это работает на нас.

Он опустил руку и повернулся к Нехо.

— И ещё. Пошли людей в лагерь Пердикки. К его офицерам. Тем, кто колеблется. Предложи им золото. Предложи им должности. Предложи им всё, что они хотят. Пусть знают: Птолемей щедр к друзьям. А Пердикка мёртв — он просто ещё не знает об этом.

Эвмен не спал третьи сутки.

Он сидел в шатре, заваленном папирусами, и писал. Приказы. Донесения. Письма сатрапам, которые ещё сохраняли видимость верности. Его перо скрипело по папирусу — быстрые, точные движения. Руки не дрожали. Голова работала ясно. Так было всегда, когда он не спал больше суток — мысли становились острее, слова точнее, решения быстрее. Он не знал, дар это или проклятие.

Два года. Два года он служил Пердикке — писал его приказы, вёл его переписку, пытался удержать империю от распада. Он выиграл битву против Кратера — битву, в которой погиб его бывший друг. Кратер, который когда-то хлопал его по плечу и говорил: «Эвмен, ты слишком умён, чтобы быть солдатом». Теперь Кратер был мёртв. Эвмен убил его — не своей рукой, но своим приказом. Он не чувствовал вины. Он чувствовал пустоту.

В шатёр вошёл гонец.

— Пердикка начал переправу. Первая волна уже на воде. Эвмен отложил перо.

— Я предупреждал его. Я говорил: не форсируй Нил здесь. Здесь Птолемей силён. Здесь он ждёт. Но он не слу-

шает. Он никогда не слушает.

— Может быть, вы скажете ему?

— Я говорил. Десять раз. Двадцать. Он слышит только свой меч.

Эвмен встал и подошёл к выходу из шатра. Он смотрел на реку — туда, где маленькие лодки плыли к другому берегу. Люди в них сидели сгорбившись, прикрываясь щитами от стрел.

— Сколько их погибнет сегодня? — спросил он тихо. — Тысяча? Две? И ради чего? Ради того, чтобы Пердикка доказал, что он сильнейший?

Гонец молчал. Эвмен вернулся к столу.

— Ладно. Если мы не можем остановить переправу, мы должны хотя бы подготовить отступление. Пошли людей вниз по течению — пусть ищут брод. Если битва пойдёт плохо, нам нужно будет куда отходить.

— А если битва пойдёт хорошо?

Эвмен посмотрел на гонца долгим взглядом.

— Она не пойдёт хорошо. Птолемей выбрал это место. Он ждал нас здесь. Он подготовился. А мы — нет. Это не битва. Это бойня.

Переправа началась.

Лодки отчалили от берега — десятки, сотни. Аристодем сидел на корточках, сжимая щит здоровой рукой. Левая была примотана к веслу — он научился грести одной, и сейчас это умение могло спасти ему жизнь. Или не могло.

Вода плескалась о борта. Она была холодной — это удивило его. Он ожидал, что она будет тёплой, как всё в этой стране, но она была холодной, и этот холод проникал сквозь кожаные сапоги, сквозь портянки, сквозь кожу — и оседал в костях тупой, ноющей болью.

Первые секунды — тишина. Только плеск вёсел и тяжёлое дыхание гребцов. Аристомед смотрел на берег — тот приближался медленно, слишком медленно. Триста шагов. Сейчас они были бесконечностью.

Потом — свист.

Стрелы упали как дождь. Не одиночные — залп, плотный, как гребень. Аристомед поднял щит, и в тот же миг стрела ударила в него — не пробила, но толчок отдался в плечо горячей волной. Рядом кто-то закричал — острая стрела вошла в глаз солдату, и тот рухнул в воду, оставляя за собой кровавый след, который тут же размазало течением.

— Быстрее! — крикнул Филипп. — Быстрее, или мы все здесь умрём!

Лодка тряслась от ударов стрел. Одна пробила борт — в дыру хлынула вода, холодная, тёмная. Кто-то начал откачивать шлемом. Аристомед слышал, как вода журчит, заливая днище, — звук был почти мирным, и от этого становилось ещё страшнее.

— Близко! — крикнул Антиох. — Мы почти у берега!

Днище лодки скребнуло по песку. Мелководье. Аристомед спрыгнул первым. Вода доходила до пояса — тяжёлая,

мутная, она облепила ноги, как мокрая ткань. Он сделал шаг. Песок под сапогами проваливался, засасывал. Ещё шаг. Ноги увязали. Каждое движение требовало вдвое больше усилий, чем на суше.

На берегу их ждали.

Фаланга Птолемея стояла стеной в три ряда. Сариссы — длинные, как пики, — смотрели прямо в лицо. Между ними — лучники, которые продолжали стрелять. И всё это на твёрдой земле, пока люди Пердикки увязали в мокром песке.

— Строй! — крикнул Филипп. — Строй, мать вашу!

Аристомед встал рядом с ним. Слева — Антиох, всё ещё живой. Справа — незнакомый солдат с обрубленным ухом. Вода вокруг них краснела. Не просто краснела — она сворачивалась в клубы, как дым, и эти клубы тянулись по течению.

— Вперёд! — крикнул Филипп.

И они пошли на стену копий.

Птолемей наблюдал с холма.

Он видел, как лодки подходят к берегу. Видел, как люди выпрыгивают в воду. Видел, как стрелы находят цели. Он не чувствовал ни радости, ни печали. Он чувствовал удовлетворение расчёта, который сходиллся.

— Первая линия держит, — доложил Нехо. — Но они теснят.

— Пусть теснят. Первая линия отступит на десять шагов. Когда они окажутся на сухом песке, ударит вторая линия — свежая, плотная. Это сломает их.

— А если не сломает?

— Сломает. Я знаю Пердикку. Он бросил в бой лучших — ветеранов, которые верят в него. Когда они полягут, остальные дрогнут. Никто не хочет умирать за проигранное дело.

Нехо ушёл. Птолемей остался на холме. Он смотрел на битву, и в его голове она раскладывалась на фазы. Фаза первая: переправа — проиграна. Фаза вторая: высадка — проиграна. Фаза третья: контратака — начнётся через пять минут.

Он посмотрел на солнце. Жара усиливалась. Воины Пердикки, мокрые, измотанные греблей, будут падать от усталости. А его солдаты, свежие, отдохнувшие, будут рубить их, как серп рубит пшеницу.

Это была не битва. Это была математика.

Аристомед пробивался вперёд, шаг за шагом.

Песок сменился твёрдой землёй. Вода спала с пояса. Теперь он стоял на суше, и враги были повсюду. Он видел их лица — близко, слишком близко. Видел белки глаз. Видел капли пота на лбу. Видел, как открываются рты в беззвучном крике.

Он ударил копьём — противник упал, захлёбываясь кровью. Наконечник вошёл под ребро с уже знакомым хрустом. Кровь брызнула на лицо — тёплая, как всегда.

Следующий. Копьё сломалось о щит. Он бросил обломок и вытащил меч. Клинок свистнул — удар, ещё удар. Рука двигалась сама, без участия разума. Тело помнило то, чему

научилось за годы боёв.

Внезапно — крик.

Он узнал этот крик. Не голос — тембр. Он обернулся.

Антиох упал.

Копьё врага пробило его доспех, пробило тело, вышло насквозь. Он упал на колени, пытаясь вытащить острое из груди, но пальцы скользили по древку, срывались, и кровь текла по ним, и песок под ним становился красным.

— Нет! — закричал Аристомед.

Он бросился к другу. Упал на колени рядом с ним. Антиох смотрел на него широко открытыми глазами. Губы шевелились.

— Не уходи... — прохрипел он. — Не оставляй меня...

Аристомед схватил его за плечо. Ткань хитона была мокрой от крови — тёплой, липкой. Он чувствовал, как жизнь уходит из тела друга, чувствовал это пальцами — как будто кто-то вытягивал тепло из-под кожи.

— Я не оставляю! — закричал он. — Слышишь? Я не оставляю!

Но Антиох уже не слышал. Его глаза застыли, глядя в небо. Руки разжались. Он осел на песок — тяжёлый, неподвижный.

Аристомед смотрел на него. Мир замер. Кто-то бежал мимо, кто-то кричал, где-то ломались копья, падали люди — но Аристомед ничего не слышал. Он слышал только тишину. Ту самую тишину, которую Филипп учил его слушать два года

назад.

— Вставай! — голос Филиппа прорвался сквозь тишину. Аристомед поднял голову. Филипп стоял над ним, залитый кровью, с мечом в руке.

— Вставай, я сказал! Если хочешь умереть — умирай стоя, как мужчина!

Аристомед поднялся. Ноги дрожали. Меч дрожал. Он сжал рукоять так, что костяшки пальцев побелели.

— За Антиоха! — закричал он, и голос сорвался.

Он бился до вечера. Он не помнил, сколько убил. Двенадцать? Двадцать? Он просто рубил, колот, отбивался, пока руки не онемели. Кровь засохла на лице коркой. Когда он шевелил щекой, корка трескалась и осыпалась мелкими хлопьями.

Ночью лагерь Пердикки был в агонии.

Солдаты лежали на голой земле, стонали, умирали от ран. Врачей не хватало — их убило на переправе. Аристомед брёл между палаток. Он смотрел на лица товарищей и не узнавал ни одного. Все они казались одинаковыми — бледными, окровавленными, с пустыми глазами.

Он нашёл тело Антиоха вечером. Его вытащили из кучи трупов и положили у края лагеря, рядом с другими павшими. Аристомед сел рядом. Он не плакал. Он не мог плакать. Он просто сидел и смотрел на лицо друга — такое молодое, такое мёртвое.

— Антиох, — сказал он тихо. — Фессалия. Второй поход.

Улыбался даже перед смертью.

Он закрыл ему глаза. В этот раз пальцы слушались. Веки опустились. Лицо стало спокойным.

Филипп сидел у костра, чистил меч. Кровь смывалась с лезвия, открывая блеск стали.

— Пердикка хочет повторить штурм завтра, — сказал он. — Говорит, что Птолемей дрогнет.

— Он не дрогнет, — сказал Аристодем. — Я видел его берег. У него всё просчитано.

— Я знаю. И Пердикка знает. Но он не может отступить — тогда его убьют свои же.

— Как ты это терпишь? Как ты смотришь на всё это? На мертвецов, на кровь, на ложь?

Филипп поднял голову. В его глазах горел огонь костра.

— Я видел тридцать битв. Я видел, как умирают цари. Знаешь, что общего у всех царей? Они всегда умирают. И после них всегда остаются собаки, которые грызутся за кусок.

— Диадокси. Наследники.

— Стервятники. Пердикка, Птолемей, Селевк — все они думают только о себе. Им плевать на нас. Мы — мясо.

Аристодем молчал. Он вспомнил лицо Клеандра. Лицо Антиоха. Лица сотен других.

— За что мы воюем?

Филипп усмехнулся.

— За них. За их власть. За их золото. Когда война кон-

чится, нас не будут помнить.

— Но я запомню. Я запомню их лица. Я запомню всё.

— И что ты с этим сделаешь?

— Я выживу. Я переживу их всех. И я расскажу людям, что здесь было на самом деле.

Филипп посмотрел на него долгим взглядом.

— Ты глупый мальчишка. Но, может быть, ты прав. Может быть, кто-то должен помнить.

В шатре Пердикки горел светильник.

Пердикка сидел за столом, глядя на карту. Его лицо было серым. Он не спал двое суток. Его план провалился. Переправа захлебнулась. Треть армии погибла или была ранена. Офицеры роптали. Солдаты отказывались идти в бой.

Эвмен стоял у входа.

— Я предупреждал тебя, — сказал он. — Я говорил: не форсируй Нил здесь. Ты не послушал.

— Ты пришёл сказать, что я ошибся?

— Я пришёл сказать, что ещё можно спасти армию. Отступи. Отведи людей на север. Перегруппируйся. Птолемей не будет преследовать — он слишком осторожен.

— Отступить — значит признать поражение. Поражение — значит смерть. Мои офицеры убьют меня, если я отступлю.

— Они убьют тебя, если ты останешься. Разница только в том, где это произойдёт — здесь или на марше.

Пердикка посмотрел на него. В его глазах была усталость

— смертельная, глубокая, как река за шатром.

— Ты умный, Эвмен. Слишком умный. Ты думаешь, что ум может заменить силу. Но он не может. Сила — это всё. У кого меч, тот и прав.

— У Птолемея сейчас больше мечей.

— Знаю. Поэтому я должен атаковать завтра. Если я выиграю, я останусь царём. Если проиграю — умру. Третьего не дано.

Эвмен смотрел на него. Он видел, что Пердикка уже мёртв. Просто ещё не знает об этом.

— Я буду с тобой до конца, — сказал он. — Не потому, что верю в победу. Потому, что я дал слово.

— Слово? — Пердикка усмехнулся. — Кому нужно слово, когда мир рушится?

— Мне. Это всё, что у меня есть.

Ночью в лагерь Пердикки пришли люди Птолемея.

Они шли тихо, без факелов, от палатки к палатке. Они знали, к кому идти. Офицеры, которые колебались. Командиры, которые потеряли людей на переправе. Те, кто боялся завтрашнего дня.

— Птолемей предлагает мир, — говорили они. — Пердикка обречён. Зачем умирать за проигранное дело? Переходите на нашу сторону. Сохраните жизни. Сохраните должности. Птолемей щедр.

Некоторые отказывались. Некоторые колебались. Некоторые соглашались.

К рассвету заговор был готов.

Селевк, сын Антиоха, был среди заговорщиков. Ему было тридцать пять. Он был молод, амбициозен, и он видел, что Пердикка проигрывает. Он не хотел тонуть вместе с ним. Когда к нему пришли люди Птолемея, он согласился сразу.

— Я сделаю это, — сказал он. — Но не ради золота. Ради империи. Пердикка губит её. Птолемей хотя бы сохранит то, что осталось.

Он не знал, что через сорок лет он сам будет царём. Что он завоюет земли от Сирии до Инда. Что он станет основателем династии. Что его убьёт сын Птолемея — ударом в спину.

Но это будет потом.

Сейчас он взял меч и пошёл к шатру Пердикки.

На рассвете Аристодема разбудил шум.

Он вышел из палатки и увидел, что лагерь кипит. Солдаты бегали, кричали, хватали оружие. В центре — толпа, и в ней — тело человека.

— Это Пердикка, — сказал кто-то рядом.

Аристодем подошёл ближе. Пердикка лежал на земле с перерезанным горлом. Кровь растеклась по песку тёмным пятном. Перстень Александра исчез — то ли сняли, то ли отрубили палец целиком. Рядом стояли офицеры — те, кто вчера клялся ему в верности. Среди них Аристодем увидел человека с острым лицом и холодными глазами — Селевка.

— Что случилось? — спросил Аристодем.

Филипп уже был там.

— Предательство. Они решили, что Птолемей победит. И чтобы спасти свои шкуры, они убили своего полководца.

— Кто?

— Селевк. И другие. Какая разница? Пердикка мёртв. Его голова уже отправлена Птолемею в знак мира.

Аристодем смотрел на тело. Тот самый Пердикка, который вышел из царской опочивальни с перстнем на пальце. Он думал, что будет царём. Он ошибся.

— А что будет с нами?

— Птолемей победил. Значит, мы теперь его солдаты. Или мы умрём.

— Мы всегда умираем. Меняем только имя того, кто нас убивает.

Он повернулся и пошёл прочь.

Эвмен узнал о смерти Пердикки через час.

Он сидел в шатре и писал очередной приказ, когда вошёл гонец.

— Пердикка мёртв. Заговор. Селевк и другие. Они убили его ночью.

Эвмен отложил перо. Его лицо не изменилось. Только пальцы, сжимавшие тростниковое перо, чуть дрогнули.

— Я знал, — сказал он. — Я знал, что это случится. Я предупреждал его. Он не слушал.

— Что теперь?

— Теперь мы отступаем. Собирай людей. Всех, кто верен. Мы уходим на север.

— А Птолемей?

— Птолемей не будет преследовать. Он получил, что хотел. Пердикка мёртва. Египет — его. Армия разбита. Он будет праздновать.

Эвмен встал и подошёл к выходу из шатра. Он смотрел на лагерь, который просыпался. Люди уже знали. Они собирали вещи, спорили, делили добычу. Войско без головы.

— Пердикка был дураком, — сказал он тихо. — Но он был законным регентом. Теперь закон умер. Осталась только сила.

Он повернулся к гонцу.

— Мы идём на север. К Антигону. Будем воевать дальше.

— Зачем? Всё кончено.

Эвмен посмотрел на него. Его глаза были холодны, как зимнее море.

— Ничего не кончено. Империя ещё стоит. Александр ещё жив — в нас, в его наследниках. Пока я дышу, я буду сражаться за то, что он построил. Даже если все остальные предадут.

Он взял меч — тот самый, подаренный Александром, — и вышел из шатра.

На том берегу Птолемей принял голову Пердикки.

Он смотрел на неё без торжества. Лицо его бывшего соратника было застывшим, искажённым предсмертной мукой. Кровь запеклась на срезе шеи чёрной коркой.

— Убрать, — сказал он. — Похоронить с почестями. Он

был другом Александра.

Слуги унесли голову. Нехо стоял рядом.

— Первый из диадохов мёртв.

— Первый. Но не последний.

Птолемей повернулся и посмотрел на лагерь Пердикки. Солдаты складывали оружие. Офицеры присягали на верность. Война закончилась.

— Теперь — Египет, — сказал он. — Теперь мы строим. Ты знаешь, Нехо, что я понял за эти два года? Империя Александра не может быть единой. Она слишком велика. Её нельзя удержать одним мечом. Её можно удержать только частями. Александрия. Мемфис. Библиотека. Флот. Торговля. Вот что строит империи. Не мечи. Книги. Корабли. Деньги. Я построю то, что устоит. Пусть остальные воюют. Я буду строить.

Он повернулся и пошёл к своему шатру. Там, на столе, лежал папирус с записями. Он сел и дописал ещё одну строку:

«Пердикка пал от рук своих. Вывод: не доверяй офицерам, которым нечего терять. Давай им то, что они хотят, — или убирай их раньше, чем они уберут тебя».

Он отложил перо. Солнце поднималось над Нилом. Новый день. Новая эпоха.

Аристодем стоял на берегу Нила и смотрел на воду. Река всё ещё была красной. Кровь не уходила — она смешивалась с илом, и течение уносило её в море.

Он думал о тех, кого потерял. Клеандр — двадцать пять

лет, жена в Пелле. Антиох — Фессалия, второй поход, улыбался даже перед смертью. Сотни других, чьих имён он не знал, но чьи лица запомнил.

— Я буду жить, — сказал он тихо. — Я буду жить и помнить. Я увижу, как падают ваши империи. И я буду стоять на их могилах и рассказывать.

Он поднял с земли камень и бросил в воду. Камень упал с глухим плеском, и круги разошлись по красной поверхности.

За спиной шумел Нил.

Пердикка, сын Оронта, регент империи Александра, был убит своими офицерами на берегу Нила в 321 году. Ему было сорок два. Он правил два года. От него не осталось ни царства, ни династии, ни памяти — только строчка в хрониках Птолемея.

Селевк получил Вавилон. Через сорок лет он станет царём Азии.

Птолемей получил Египет. Через сорок лет он умрёт в своей постели в Александрии — единственный из диадохов, кто умрёт своей смертью.

Эвмен ушёл на север. Он продолжит воевать. Он выиграет ещё много битв. Но он никогда не выиграет войну. Через пять лет его предадут свои же. Его казнят македоняне, которым он служил.

Аристодем выжил. Он пережил вторую резню. Второго царя. Второго друга. Его архив пополнился новыми именами. Он ещё не знал, что впереди — сорок лет войны, десятки

бить, сотни смертей.

Но он знал одно: он будет помнить. Всех. Всегда.

«Я буду жить и помнить», — сказал он.

И это была правда.

Глава 3. Тени на троне (317 г.)

317 год до Рождества Христова. Македония. Лагерь на границе.

Четыре года прошло с убийства Пердикки.

Для Аристодема эти годы были чередой стычек и отступлений. Армия, оставшаяся без полководца, раскололась. Одни ушли к Птолемею, другие — к Антигону, третьи — к Селевку. Аристомем остался с теми, кто пошёл за Эвменом. Не потому, что верил в него. А потому, что Эвмен был единственным, кто не предал. Единственным, кто продолжал воевать за империю, а не за себя.

Теперь они стояли лагерем на границе Македонии, и Аристомем смотрел, как мимо проносят носилки. На них лежал человек с измождённым лицом и спутанными волосами. Он дышал тяжело, с хрипом, и его глаза были закрыты.

— Кто это? — спросил молодой солдат рядом.

— Царь, — ответил Аристомем. — Филипп Арридей. Сын Филиппа. Брат Александра.

— Он выглядит как мертвец.

— Он слабоумный. С рождения. Александр возил его с собой в походах — как талисман. Теперь он царь. Ненасущий.

Молодой солдат посмотрел на носилки с ужасом. Он был новобранцем — восемнадцать лет, первая кампания. Его

звали Деметрий, как осаждающего, и он этим гордился. Аристомед видел его в первом бою — парень рубил сплеча, неумело, но яростно. Выжил чудом.

— Как можно быть царём, если ты слабоумный? — спросил Деметрий.

— Царей не выбирают за ум. Их выбирают за кровь. Филипп — сын Филиппа. Этого достаточно.

— Но кто тогда правит?

Аристомед кивнул в сторону царского шатра. Там, у входа, стояла женщина. Высокая, с гордой осанкой, в пурпурном плаще. Её лицо было твёрдым, как мрамор, а глаза — холодными, как зимнее море.

— Эвридика, — сказал он. — Жена царя. Внучка Филиппа. Она правит вместо него. Говорят, она умнее всех полководцев вместе взятых.

Деметрий смотрел на царицу с благоговением.

— Она красивая.

— Она опасная. Запомни это. Красивые женщины при дворе опаснее мечей.

Эвридика стояла у входа в шатёр и смотрела на лагерь.

Ей было двадцать три. Она была внучкой царя Филиппа — не Александра, а того, первого, великого, который объединил Грецию. Её отец был бастардом, её мать — наложницей, но кровь есть кровь. Она вышла замуж за Филиппа Арридея, слабоумного брата Александра, потому что это был единственный способ получить власть. Теперь она правила

Македонией — через мужа, через его имя, через его кровь.

Она знала, что её ненавидят. Полководцы презирали её за то, что она женщина. Солдаты не доверяли ей за то, что она не воевала. Но она знала то, чего не знали они: власть держится не на мечях. Власть держится на законе. А закон был на её стороне.

— Олимпиада перешла границу, — сказал гонец, подбегая к ней. — Она идёт с армией эпиротов. С ней царь Александр Четвёртый, сын Александра Великого. Она говорит, что вернёт трон внуку.

Эвридика не дрогнула. Она ждала этого.

— Сколько у неё людей?

— Около десяти тысяч. В основном эпироты. И молоссы.

— А у нас?

— Вдвое больше. Но солдаты колеблются. Они не хотят воевать против матери Александра.

Эвридика повернулась и посмотрела на лагерь. Солдаты сидели у костров, чистили оружие, переговаривались вполголоса. Она знала, о чём они говорят. Олимпиада — мать Александра Великого. Вдова Филиппа. Бабка наследника. Её имя всё ещё звучало как заклинание. Против неё воевать — всё равно что против богов.

— Тогда мы не будем воевать, — сказала она. — Мы встретим их как встречают родню. С почестями. С дарами. С улыбками.

— Вы думаете, Олимпиада согласится на мир?

— Олимпиада? — Эвридика усмехнулась. — Я знаю её. Она не согласится ни на что, кроме нашей смерти. Но солдаты этого не знают. Они увидят, что мы предлагаем мир. А когда Олимпиада откажется — они увидят, кто на самом деле хочет войны.

Гонец поклонился и ушёл. Эвридика осталась стоять. Она смотрела на горы, за которыми скрывалась армия Олимпиады.

— Ты думаешь, что кровь Александра делает тебя неуязвимой, — прошептала она. — Но кровь — это просто кровь. Она смывается так же легко, как и любая другая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.